

Артуро
ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ

Королева Юга

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44
П 27

Arturo Pérez-Reverte
LA REINA DEL SUR
Copyright © 2002, Arturo Pérez-Reverte
All rights reserved

Перевод с испанского Натальи Кирилловой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Егора Саламашенко

- © Н. С. Кириллова (наследник), перевод,
2004
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-22827-6

Запищал телефон, и она поняла, что ее убьют. Поняла так отчетливо, что застыла с бритвой в руке, с прилипшими к лицу волосами, окутанная паром, который каплями оседал на кафельных плитках. Бип-бип. Она сидела не шевелясь, затаив дыхание, словно молчание и неподвижность могли изменить то, что уже произошло. Бип-бип. Она брила правую ногу, сидя в ванне, по пояс в горячей мыльной воде, но ее кожа покрылась мурашками, будто вдруг сорвало холодный кран. Бип-бип. Из спальни, из стереоколонок, доносились голоса «Лос Тигрес дель Норте», распевавших истории о Камелии из Техаса. «Предательство и контрабанду, — пели они, — их не разделишь ни с кем». Она всегда боялась таких песен — боялась, что в них таится предсказание. И вот они превратились в угрозу и кошмарную действительность. Блондин подшучивал над ней; однако верещание телефона доказывало, что она права, а он — нет. А кроме правоты, этот резкий писк отнимал у него и кое-что еще. Бип-бип. Она положила бритву, медленно выбралась из ванны и направилась в спальню, оставляя за собой мокрые следы. Телефон лежал на кровати, маленький, черный и зловещий. Она смотрела на него, не осмеливаясь протянуть руку. Бип-бип. Застыв от ужаса. Бип-бип. Этот звук сливался с песней, как будто сам был ее частью. «Обычай

контрабандистов, — продолжали петь „Лос Тигрес“, — прощать не велит ничего». Блондин произнес почти то же самое, смеясь, как обычно, и поглаживая ее по затылку, — произнес тогда, бросив телефон ей на колени. Если он когда-нибудь зазвонит, это будет означать, что я погиб. Тогда беги. Беги что есть духу, смугляночка моя. Беги и не останавливайся, потому что меня уже не будет и я не смогу прийти на помощь. А если добежишь куда-нибудь живой, выпей стаканчик текилы в память обо мне. В память о наших хороших минутах, девочка. В память о хороших минутах. Таким вот — отважным и безответственным — был Блондин Давила. Виртуоз «сессны». «Король короткой рулежки» — так называли его друзья, и дон Эпифанио Варгас тоже звал его так. Блондин умел поднять свой самолет, битком набитый марихуаной или кокаином, с полосы длиной едва ли три сотни метров или носиться в крошечной ночной тьме, чуть не касаясь воды, через границу — туда и обратно, уклоняясь от радаров федеральной полиции и истребителей-перехватчиков ДЭА¹.

Он умел жить на острие ножа, разыгрывая собственные карты за спиной хозяев. И умел проигрывать.

У ее ног собралась лужа. Телефон продолжал пищать, и она поняла, что не обязательно отвечать и убеждать, что Блондина настигла предсказанная им самим судьба. И этого вполне достаточно, чтобы выполнить его инструкцию и броситься бежать; но не легко смириться, что обычный звонок телефона способен резко изменить всю жизнь — твою жизнь. Поэтому она дотянулась до трубки, нажала кнопку и стала слушать.

— *Блондина грохнули, Тереса.*

¹ Департамент правительства США по борьбе с наркотиками (аббревиатура от *англ.* Drug Enforcement Administration). — *Здесь и далее прим. переводчика.*

Голоса она не узнала. У Блондина были друзья, некоторые — верные, повязанные кодексом тех времен, когда они провозили через Эль-Пасо в Соединенные Штаты в покрывах своих машин пакетики с белым порошком. Это мог быть любой — может, Чистюля Росас, а может, Рамиро Васкес. Она не поняла, кто ей звонит, да это и не нужно, потому что смысл был совершенно ясен. «Блондина грохнули, — повторил голос. — С ним разобрались, и с его двоюродным братом тоже. Теперь настал черед семьи брата — и твой. Так что беги что есть мочи. Беги и не останавливайся». Потом в трубке раздались гудки, и она, взглянув на свои мокрые ноги на мокром полу, вдруг осознала, что дрожит от холода и страха. И подумала: кто бы ни звонил, он повторил те же слова, что говорил Блондин. Она представила, как этот человек кивает, внимательно слушая, в дыму, среди стаканов какой-нибудь таверны, сидя за столом напротив Блондина, а тот покуривает косячок, как обычно, закинув ногу на ногу: остроносые ковбойские сапоги из змеиной кожи, шейный платок под воротом рубашки, летная куртка на спинке стула, короткие светлые волосы, дерзкая, уверенная улыбка. Ты сделаешь это ради меня, браток, если меня грохнут. Ты велишь ей бежать и не останавливаться, потому что ее они тоже захотят убить.

Внезапно ее охватила паника — полная противоположность недавнему холодному ужасу. Взрыв растерянности и безумия, от которого она вскрикнула — коротко, сухо — и схватилась за голову. Ноги вдруг перестали держать ее, и она села — рухнула — на кровать. Обвела взглядом комнату: белая и золоченая лепнина изголовья, картины на стенах — аккуратные пейзажи с парами, гуляющими в свете закатного солнца, выстроившиеся на консоли фарфоровые фигурки — она собирала их, чтобы их с Блондином жилище выглядело уютно. И она поня-

ла, что жилищем этот дом быть перестал, а через считанные минуты превратится в западню. В большом зеркале шкафа она увидела себя: голую, мокрую, с прилипшими к лицу темными волосами. Из-под прядей дико глядели черные глаза, вытаращенные от ужаса. Беги и не останавливайся, говорили ей Блондин и тот голос, что повторил его слова. И она бросилась бежать.

1

На облаке я плыла, но с неба на землю упала¹

Я всегда полагал, что мексиканские наркобаллады — просто песни, а «Граф Монте-Кристо» — просто роман. Так я и сказал Тересе Мендоса в тот последний день, когда она, окруженная телохранителями и полицейскими, согласилась принять меня в доме, расположенном в районе Чапультепек города Кульякан, штат Синалоа. Упомянув об Эдмоне Дантесе, я спросил, читала ли она эту книгу, а Тереса лишь молча посмотрела на меня таким долгим взглядом, что я начал опасаться, как бы наша беседа на этом и не закончилась. Потом повернулась к дождю, хлеставшему по стеклам, и — не знаю, была ли то тень серого света, сочившегося в комнату через окно, или отсутствующая улыбка, — ее губы сомкнулись в странную, жестокую складку.

— Я не читаю книг, — сказала она.

Я понял, что Тереса лжет, как, несомненно, лгала много, очень много раз за последние двенадцать лет. Мне, однако, не хотелось задавать неуместные вопросы, поэтому я сменил тему. Пройденный ею долгий путь — туда, потом обратно — включал в себя этапы, интересовавшие меня куда больше того, что читает женщина, сидевшая передо мной, — после того, как восемь последних месяцев я шел по ее следам. Не могу сказать, чтобы я был

¹ В качестве названий глав использованы названия и строки реально существующих наркобаллад.

разочарован. Обычно действительность оказывается примитивнее и зауряднее легенды; но в моем деле слово «разочарование» всегда относительно, ибо действительность и легенда — просто рабочий материал. Проблема в том, что невозможно неделями и месяцами жить в состоянии, так сказать, профессиональной одержимости кем-то, не создав себе определенного — разумеется, неточного — представления об этом человеке. Представление, которое укореняется у тебя в голове с такой силой и достоверностью, что потом оказывается трудно (а порой даже излишне) как-то подправлять его основные черты. Кроме того, мы, писатели, пользуемся одной привилегией: те, кто нас читает, с удивительной легкостью принимают нашу точку зрения. Поэтому тем дождливым утром в Кульякане я знал, что женщина, которую я наконец-то вижу перед собой, больше никогда не будет подлинной Тересой Мендоса: уже иная, частично созданная мною, она подменит ее собой и станет той, чью историю, неполную и противоречивую, я восстанавливал, выцарапывая буквально по кусочку у тех, кто знал, любил или ненавидел носящую это имя.

— Зачем вы пришли? — спросила она.

— Мне не хватает одного эпизода вашей жизни. Самого важного.

— Гм... Эпизода, говорите?

— Да.

Она взяла со стола пачку «Фарос» и поднесла к сигарете огонек дешевой пластмассовой зажигалки, качнув головой сидевшему в дальнем углу комнаты человеку, который уже услужливо привстал, шаря левой рукой в кармане пиджака. Это был зрелый мужчина, массивный, скорее даже толстый, с очень черной шевелюрой и пышными мексиканскими усами.

— Самого важного?

Она положила сигареты и зажигалку на стол — абсолютно симметрично, — не предложив мне. Мне, впрочем, было все равно, поскольку я не курю. На столе лежали еще две пачки сигарет, пепельница и пистолет.

— Наверное, он и вправду самый важный, — прибавила она, — если вы решились прийти сюда сегодня.

Я взглянул на пистолет. «Зиг-зауэр», швейцарского производства. В магазине у таких помещается в шахматном порядке пятнадцать патронов «парабеллум» девятого калибра. На том же столе — и три полных магазина. Золотистые головки крупных пуль были похожи на желуди.

— Да, — ответил я мягко. — То, что произошло двенадцать лет назад. В Синалоа.

Снова безмолвный взгляд. Она достаточно знала обо мне, ибо в ее мире такие вещи, как информация, добываются без особых проблем с помощью денег. А кроме того, три недели назад я послал ей копию своего недописанного материала. Как приманку. Верительные грамоты, дополняющие все остальное.

— Почему я должна вам рассказывать об этом?

— Потому что я вложил в вас много труда.

Некоторое время она смотрела на меня сквозь сигаретный дым, слегка щурясь, как индейские маски Большого храма¹.

Потом встала, отошла к бару и вернулась с бутылкой «Эррадура Репосадо» и парой высоких узких стаканчиков, которые мексиканцы называют «кабальито»².

Тереса была одета в удобные темные льняные брюки, черную блузку и сандалии, и я заметил, что на ней нет ни драгоценностей, ни бус, ни часов: только серебряный

¹ Имеется в виду одно из сооружений древнего (начал создаваться в IV в. н. э.) храмового комплекса в Теотиуакане, неподалеку от Мехико.

² *Кабальито* (исп. *caballito*) — дословно: конек.

браслет-неделька на правом запястье. Двумя годами раньше — вырезки из прессы лежали у меня в номере, в отеле «Сан-Маркос» — журнал «Ола!» включил ее в число двадцати самых элегантных женщин Испании; это случилось в те же дни, когда газета «Эль Мундо» сообщила о последнем судебном расследовании ее дел на Коста-дель-Соль и ее связи с контрабандой наркотиков. На фотографии с первой полосы можно было скорее угадать, чем рассмотреть ее за стеклом автомобиля; от репортеров ее отгораживали несколько телохранителей в темных очках. Одним был тот уса́тый толстяк, который сидел сейчас в углу и наблюдал за мной, делая вид, что вовсе на меня не смотрит.

— Много труда, — повторила она задумчиво, разливая по стаканам текилу.

— Да, много.

Она сделала короткий глоток — стоя, не отрывая от меня взгляда. Ниже ростом, чем казалась на фотографиях или экране телевизора, но ее движения были такими спокойными и уверенными, словно каждый жест естественно перетекал в следующий, не оставляя места ни импровизации, ни сомнению. Может, она никогда больше не сомневается, подумал я вдруг. А еще я убедился, что в свои тридцать пять она, в общем, довольно привлекательна. Хотя, пожалуй, меньше, чем на недавних снимках и на тех, которые то и дело попадались мне — их сохраняли люди, знавшие ее по ту сторону Атлантики. Включая черно-белые фото анфас и в профиль на старой учетной карточке полицейского участка в Альхесирасе. Были и видеосъемки с нечетким изображением — они всегда заканчивались тем, что в кадре появлялись верзилы-телохранители и бесцеремонно отталкивали объектив. И на всех изображениях она в своем нынешнем, вполне достойном виде, почти всегда одетая в темное и в черных очках, садилась в дорогие автомобили или

выходила из них, выглядывала на террасу в Марбелье (лицо размыто — телекамера никак не попадет на нужную резкость) или загорала на палубе яхты, большой и белой, как снег. Королева Юга и ее легенда. Она появлялась одновременно и на страницах, посвященных светским новостям, и на тех, что отведены происшествиям. Однако существовала еще одна фотография, о которой я не знал ничего; и прежде, чем я — двумя часами позже — вышел из этого дома, Тереса Мендоса неожиданно решила показать ее мне. Она выложила сильно потрепанный, подклеенный сзади скотчем снимок на стол, между полной пепельницей, бутылкой текилы (две трети она опорожнила сама) и «зиг-зауэром» с тремя магазинами, лежавшим там как предвестник — а на самом деле как фаталистическое принятие — того, чему суждено было произойти этой ночью. Что же касается самой фотографии, она оказалась самой старой из всех, какие я видел, и притом — всего лишь половиной снимка: вся его левая часть отсутствовала, от нее осталась только мужская рука в рукаве летной куртки, обнимающая за плечи худенькую, смуглую, большеглазую девушку с пышными черными волосами. Девушке было лет двадцать с небольшим; на ней были сильно обтягивающие брюки и грубоватая джинсовая куртка с овчинным воротом, и девушка смотрела в объектив с какой-то нерешительной гримаской, будто собиралась улыбнуться или только что перестала. Из-под вульгарного, чересчур яркого макияжа в ее взгляде сквозила наивность или ранимость; и она еще больше подчеркивала молодость овального лица — слегка миндалевидные темные глаза, четко очерченный рот, приметы уходящего в глубь времен родства с исконными обитателями этой земли — в форме носа, матовости кожи, надменности вздернутого подбородка. Не красавица, подумал я, но в ней есть что-то особенное. Словно бы некогда совершенная, ныне да-

лекая красота много поколений постепенно растворялась в них, пока не остались отдельные следы прежнего великолепия. И еще эта хрупкость — спокойная, а быть может, доверчивая. Хрупкость, которая растрогала бы меня, не зная я, кто эта женщина. Наверное, растрогала бы.

— Я едва узнаю вас.

Это была правда, и я сказал то, что думал. Похоже, мои слова несколько не задели ее. Она стояла и смотрела на фотографию, лежащую на столе. Стояла довольно долго.

— Я тоже, — произнесла она наконец.

Затем снова убрала ее в сумочку, валявшуюся на диване, кожаное портмоне со своими инициалами, и указала мне на дверь.

— Думаю, этого достаточно, — сказала она.

Тереса выглядела очень усталой. Долгий разговор, табак, бутылка текилы. Темные круги легли у нее под глазами, уже не такими, как на старом снимке. Я встал, застегнул пиджак, протянул ей руку — она едва коснулась ее своею, — еще раз взглянул на пистолет. Толстяк, сидевший в углу, теперь стоял рядом со мной, равнодушный, готовый меня проводить. Я с интересом взглянул на его великолепные сапоги из кожи игуаны, на живот, нависающий над широким, расшитым волокнами агавы ремнем, на угрожающий выступ под пиджаком. Когда он открыл дверь, я убедился, что его полнота обманчива и что он все делает левой рукой. Очевидно, правую держит свободной, как рабочий инструмент.

— Надеюсь, все получится как надо, — сказал я.

Следя за моим взглядом, напоследок опять скользнувшим на пистолет, Тереса медленно кивнула, но не в ответ на мои слова. Ее занимали собственные мысли.

— Конечно, — пробормотала она.

Затем я вышел оттуда. Федералы в пуленепробиваемых жилетах, вооруженные автоматами, — те же самые,

что тщательно обыскивали меня при входе, — по-прежнему караулили в вестибюле и саду, а возле круглого фонтана у входа стояли армейский фургон и два полицейских «харлей-дэвидсона». Еще было пятеро или шестеро журналистов и телекамера под зонтиком, но уже по ту сторону высоких стен, на улице: репортерам не давали подойти ближе солдаты в полевой форме, оцепившие усадьбу. Я свернул направо и пошел под дождем искать такси, ожидавшее меня в квартале оттуда, на углу улицы Генерала Анайи. Теперь я знал то, что нужно, темные закоулки высветились, и каждый кусочек истории Тересы Мендоса — реальной или вымышленной — лег на свое место: начиная от той первой фотографии (или ее половинки) до женщины, которая принимала меня в этом доме с автоматическим пистолетом на столе. Не хватало только развязки; но о ней мне тоже предстояло узнать в ближайшие часы. Так же, как и Тересе, мне оставалось только сесть и ждать.

Прошло двенадцать лет с того дня или вечера, когда Тереса Мендоса бросилась бежать в городе Кульякан. В тот день, ставший началом долгого пути туда и обратно, разумный мир, построенный ею, как она полагала, под крылом у Блондина Давилы, рухнул вокруг нее — она слышала грохот его разваливающихся кусков, — и она внезапно почувствовала, что пропала, ей грозит опасность. Уронив телефон, она заметалась, на ощупь открывая ящики, ослепленная паникой, ища какую-нибудь сумку, чтобы сложить в нее самое необходимое. Ей хотелось зарыдать по своему мужчине или закричать так, чтобы разорвалось горло; но ужас, накатывавший волнами — и каждая была как удар, — притуплял ее чувства и сковывал действия. Как будто наелась уаутльского гриба¹ или накурилась крепкой, до боли крепкой травой

¹ Уаутльский гриб — галлюциногенный гриб *Psilocybe mexicana*.

и оказалась засунутой в какое-то чужое, далекое, непослушное тело. Торопливо, неловко она натянула джинсы, футболку и туфли, пошатываясь, спустилась по лестнице, еще мокрая под одеждой, с влажными волосами, с небольшой дорожной сумкой, в которую умудрилась запихать — смяв, свернув кое-как — несколько вещей: еще пару футболок, джинсовую куртку, трусики, носки, свое портмоне с двумя сотнями песо и документы. Они тут же явятся к нам домой, предупреждал Блондин. Явятся, чтобы искать и найти что-нибудь. И будет лучше, если тебя они не найдут.

Выглянув на улицу, Тереса остановилась в нерешительности — ее вела инстинктивная осторожность дичи, чующей поблизости охотника и его собак. Перед ней простирался во всей своей сложной топографии город — вражеская территория. Район Лас-Кинтас: просторные улицы, неброские комфортабельные дома в окружении бугенвиллей, перед ними — хорошие машины. Далеко же отсюда до нищего квартала Лас-Сьете-Готас, подумала она. И внезапно ей показалось, что женщина из аптеки напротив, продавец из магазина на углу, где она покупала продукты последние два года, охранник банка в синей форме с автоматическим пистолетом двенадцатого калибра на поясе — это он с улыбкой отпускал ей комплименты всякий раз, когда она проходила мимо, — что все они опасны, подкарауливают ее. У тебя больше не будет друзей, подытожил тогда Блондин со своим ленивым смешком, который она временами обожала, а временами ненавидела всей душой. В тот день, когда зазвонит телефон и ты бросишься бежать, ты окажешься одна, смугляночка моя. И я не смогу тебе помочь.

Она прижала сумку к животу, словно защищая его, и двинулась по тротуару, опустив голову, не глядя ни на что и ни на кого и поначалу стараясь не ускорять шаг. Солнце клонилось к западу — далеко, над Тихим океа-

ном в сорока километрах, над Альтатой, и окаймлявшие проспект пальмы и манговые деревья четко смотрелись на фоне неба, которое вскоре должно было стать оранжевым. Такие в Кульякане закаты. Глухое монотонное биение в барабанных перепонках накладывалось на шум транспорта и стук ее каблучков. Окликни ее кто-нибудь сейчас, она не расслышала бы своего имени; а может, не услышала бы и выстрела. Выстрела в себя. Она так ждала его, напрягая все мышцы и нагнув голову, что заболели спина и почки. Ситуация. Слишком много раз слышала она о теории катастроф — о ней заговаривали среди шуток, рюмок и сигаретного дыма, — столько раз, что все это давно крепко-накрепко засело у нее в голове, впечатавшись в мозг каленым железом, словно клеймо в тело коровы. В этом деле, говорил Блондин, нужно уметь распознавать Ситуацию. То есть кто-нибудь может прийти и сказать тебе «Добрый день». Например, кто-то из твоих знакомых, и он тебе улыбнется. Сладенько так, прямо-таки медом изойдет. Но ты заметишь нечто странное: неопределенное ощущение, будто что-то не так. А через секунду ты мертв, — говоря это, Блондин смотрел на Тересу, под смех друзей прицеливаясь в нее пальцем, как револьвером. Или мертва. Хотя в любом случае это лучше, чем если тебя живьем увезут в пустыню и, вооружившись ацетиленовой горелкой и терпением, начнут задавать вопросы. Вот тут уж дело плохо — и даже не когда ты знаешь ответы на них (в этом случае избавление наступает быстро): хуже всего как раз, если ты их не знаешь. В этом вся разница, как говорил Кантинфлас¹. Вся проблема. Очень трудно убедить типа с горелкой, что тебе неизвестны вещи, которые, как он полагает, ты знаешь и которые ему тоже хочется узнать.

¹ *Кантинфлас* (Марио Морено Рейес, 1911–1993) — знаменитый мексиканский комик.

Черт побери. Надеюсь, Блондин умер быстро, подумала она. Надеюсь, его сбили вместе со всем грузом, вместе с его «сессной», и он пошел на корм акулам, его не увезли в пустыню и не принялись задавать ему вопросы. Если за тебя берутся федеральная полиция или ДЭА, вопросы обычно кончаются тюрьмой — в Альмолойе или Тусоне. С этими службами можно хоть как-то договориться. Получить статус защищаемого свидетеля или привилегированного заключенного, если сумеешь как следует разыграть свои карты. Но Блондин — не тот случай. Он не плясал ни под чью дудку. Если он изменял, то лишь самую малость, и притом не столько ради денег, сколько ради удовольствия жить на острие ножа. Мы, ребята из Сан-Антонио, похвалялся он, любим рисковать своей шкурой. Он говорил, что его забавляет иметь дело с этими типами и обставлять их; и он потешался про себя, когда ему командовали: «Давай, парень, разберись с этим и убери того, да не тяни». Держали за простого киллера ценою не больше тысячи песо, кому можно без всяких церемоний швырять на стол пачки шуршащих долларов по возвращении из каждого полета, на котором те, кто сверху, зарабатывали немереные деньги, пока он рисковал свободой и жизнью. Проблема в том, что Блондину мало было просто делать то-то и то-то: у него имелась потребность рассказывать о своих делах. Он был из породы трепачей. Какой интерес оприходовать пусть даже самую красивую бабенку, говаривал он, если нельзя рассказать об этом друзьям? А если что случится, так пусть потом «Лос Тигрес дель Норте» или «Лос Туканес де Тихуана» складывают обо мне наркобаллады и распевают их в тавернах или по авторадю. Вот так, ребята. Так и создаются легенды. И много раз, свернувшись клубочком у его плеча, в баре, на вечеринке, между танцами в салуне «Марокко» — он с бутылкой пива «Пасифи-

ко» в руке, у нее нос словно пудрой обсыпан от «белых вздохов»¹, — Тереса содрогалась, слыша, как он поверяет друзьям такие вещи, о которых всякий разумный человек предпочел бы молчать как рыба. У Тересы не было образования, у нее не было ничего, кроме Блондина; однако она знала, что друзья проверяются, только когда навещают тебя в больнице, в тюрьме или на кладбище. А это означало, что друзья бывают друзьями, пока не перестают быть ими.

Три квартала она шла не оглядываясь. Боже упаси. Каблуки у нее чересчур высоки, и она поняла, что, если вдруг придется бежать, вывих ей обеспечен. Тереса сняла туфли, спрятала их в сумку и пошла босиком. На следующем углу свернула направо и, оказавшись на улице Хуареса, остановилась перед какой-то закуской — проверить, нет ли хвоста. Не заметив никаких признаков опасности, она толкнула дверь, вошла и уселась за самый дальний столик, спиной к стене, ни на миг не отрывая глаз от улицы. Ей нужно поразмыслить и унять бешеное биение сердца. Как сказал бы Блондин, изучить Ситуацию. Или хотя бы попытаться. Влажные волосы падали ей на лицо; она убрала их только один раз, а потом подумала: так лучше, так труднее разглядеть ее. Ей принесли нопалевый² коктейль, и некоторое время она сидела неподвижно, не в силах связать обрывки мыслей, пока не поняла, что ей хочется курить и в спешке и панике она забыла курево дома. Она попросила у официантки сигарету, прикурила от протянутой зажигалки, не заметив недоуменного взгляда девушки на ее босые ноги, и долго сидела, куря и пытаясь привести в порядок разбежавшиеся врассыпную мысли. Ну вот, так лучше.

¹ «Белые вздохи» — иносказательное наименование кокаина.

² *Нопаль* (исп. *popal*) — кактус опунция, иначе называемый индейской смоковницей. Его плоды съедобны.

Содержание

1. На облаке я плыла, но с неба на землю упала	11
2. Говорят, все видит закон, да толку от этого мало	44
3. Когда пройдут года	75
4. Пойдем туда, где нас судить не станут	106
5. Что я посеял там, в горах.....	137
6. Играю жизнью своею, судьбой своею играю	168
7. Пометили меня семеркой	207
8. Пакеты по килограмму	236
9. И женщины тоже могут	270
10. Сижу я в дальнем уголке таверны	299
11. Я не умею убивать, но научусь	336
12. Что, если я тебя куплю?	370
13. Самолет я поднимаю без разбега, прямо с места	412
14. Останутся лишние шляпы	445
15. Есть у меня на родине друзья, которые меня как будто любят	471
16. Вьюки на сторону сбились	503
17. Мой стакан остался недопитым	531
Эпилог	567
Благодарности	571

Перес-Реверте А.

П 27 Королева Юга : роман / Артуро Перес-Реверте ; пер. с исп. Н. Кирилловой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 576 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-22827-6

«Запищал телефон, и она поняла, что ее убьют». Так заканчивается — и начинается — жизнь Тересы Мендосы, наивной подруги мексиканского контрабандиста, которая угодила в жернова мафиозных разборок, бежала через полмира, начала с нуля, отказала себе в праве на любые сантименты, прибрала к рукам наркобизнес на испанском юге и стала крестной матерью местной наркомафии. В «Королеве Юга» есть все: храбрость и жестокость, месть и любовь, героизм и преступность («идти против закона — наша семейная традиция», как поется в одной балладе). Артуро Перес-Реверте — бывший военный журналист, прославленный автор блестящих исторических, военных, приключенческих романов, переведенных на сорок языков, создатель цикла о капитане Диего Алатристе, обладатель престижнейших литературных наград — смешал сногшибательный криминальный триллер с журналистским расследованием, добавил глубокого психологизма, страсти и отваги и создал один из самых головокружительных романов в своей карьере.

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

Литературно-художественное издание

АРТУРО ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ
КОРОЛЕВА ЮГА

Ответственный редактор Анастасия Грызунова
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Валентина Дик
Корректоры Людмила Дубовая, Юлия Теплова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 02.03.2023. Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂.

Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 25,38.

Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 2

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в Акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

Y-VAK-31772-01-R